

Труд - 1989 - 19 апр

— В парке нельзя гулять посторонним, — сказал он тихо и хрипло, — на калитке есть даже вывеска...

В. Набоков. «Машенька».

ВЫВЕСКИ на калитке не было, и я вошел в пустой парк, оглядываясь и слушая, не остановит ли кто, хотя бы сторож или садовник, без которых парк — как обычный лес, только что на холме. Этот холм за Гатчиной, говорят, столь же высок, как и Пулковская гора у южных ворот Питера, неспроста облюбованная звездочетами.

Прежде столичный люд величал окрестность у холма не как-нибудь, а «малой Швейцарией». Не взялся бы я звать в помощники Швейцарию, если бы не знал, что бывший хозяин усадьбы, да и самого холма с парком Владимир Владимирович Набоков умирал как раз в Швейцарии. Может быть, там, в большой Швейцарии, ему опять явилась малая...

Я говорю опять, потому что призрак этого уголка России, кажется, блуждал из одной его книги в другую, везде находя себе место, как поезд на попутных станциях, и нигде не задержившись. Пожалуй, «Машенька» была первой остановкой на этом пути. И еще — старый парк, где воспитанный по всем правилам мальчик-аристократ не нашел ничего другого, как сказать зашедшей туда поиграть Машеньке про вывеску на калитке...

А потом была особая книга — «Другие берега», написанная тогда, когда, казалось, тема России должна уже была стереться в памяти. Набокову было пятьдесят пять. Но вышло наоборот, видно освободить душу от ее русской половины было невозможно. И может быть, что именно Машенька была тому виной...

«Александровских времен усадьба, белая, симметрично-крылатая, с колоннами по фасаду и анфильтрону, высилась среди лип и дубов на крутом муравчатом холму за рекой Оредеж», — вспоминает он в «Других берегах». По истечении почти сорока лет я без труда восстановил и общее ощущение и подробности его в памяти: шашечную мраморного пола в прохладной и звучной зале, небесный сверху свет, белые галереи, саркофаг в одном углу гостиной, орган в другом, яркий запах тепличных цветов повсюду, лиловые занавески в кабинете, рукообразный предметник из слоновой кости для чесания спины — и... незабвенную колоннаду заднего фасада, под романтической сенью которой сосредоточились в 1915 году счастливейшие часы моей счастливой юности...

По сей день проглядывает сквозь хоробод белостольных колонн дом над берегом Оредежа в Рождествене. Как прежде — с белведера это особенно видно, — бьется Оредеж с рекой Грязной, врывающейся тут в ее струи, будто свиваются в клубок два зверька, отстаивая свое первенство и честь. Как прежде, тракт из Питера через «гатьчиную» — Гатчину спешит к Киеву, и эхо гуляет меж холмов к речному откосу и обратно. Перепутай историю, как перекрестки эдзешних дорог, не раз останавливали здесь витязей — задуматься, куда идти...

СЫН царя Петра Алексей стал строить здесь храм Рождества Богородицы, по нему назвав само село, бывшее Большое Грязное. У шаткого еще сруба он повесил на дерево 15-пудовый колокол. Под звон этого колокола-буревестника царевич решал задачку, напечатанную монахом:

Иль отца забудь для бога, Или бога для отца!

Как известно, подняв «перунов на отца и на царя», царевич Алексей Петрович решил свою судьбу. Правнук же Петра отдал Рождествено графу Безбородко, а тот — своему секретарю. Потом, наконец, досталась вся усадьба да парк, да лес с грибами и

брусничкой господам Рукавишниковым, из дома которых вышла Елена Ивановна Набокова — мать Володи (умерла в 1939 году). А своему дяде — Василию Ивановичу Рукавишникову — Набоков обязан миллионным, но обреченным уже наследством. Ведь вступил он в него, когда до Октября 1917 года оставалось несколько месяцев.

До недавнего времени в сельском музее, устроенном прямо в усадьбе, жила старушка-пензионерка, бывшая прежде агрономом. От нее-то лет десять — двенадцать назад я и услышал фамилию хозяйина. По глухоте своей старушка не могла, однако, оставаться в доме, потому как недугом ее стали пользоваться люди недобрые и пере-

террериста в Берлине) и двое его мальчиков — Сережа (умер в 1943 году) и Володя. Я остановилась и поклонилась господам. Барин и сыновья тоже встали. Барин громко сказал:

— Здравствуйте, девушка! Сыновья повторили за отцом:

— Здравствуйте, девушка...

Каждый день они играли в свой теннис «решетками». Никогда я с ними сама не разговаривала, не полагалось это. Иногда меня да сестру посылал отец в дом Набоковых перебирать свежие ягоды. Горничная Феня потом отзывала нас в сторонку и высыпала в подол конфет.

А однажды я чуть не ослепла. Каждое утро брала я у брата своего Ивана — он-то был у Набоковых садовником (расстрелян белыми в 1919 году за то, что угнал на станцию набоковское стадо, как ему было велено в сельсовете) —

везучему щепотку камартона» и подтравливал бату из Петербурга. Кстати, дети из этого хора ездили в Петербург, в Мариинский театр, и пели там со сцены... Фотографии Жерносекова он мне не дал, сославшись на ценность...

БУДТО за каждую капельку наследства, в которое вступал новый сотрудник музея, он боялся так, что и меня заразил той же болезнью. Нынче многие прямо-таки бросились к Набокову с диссертациями, раздирают на части. Одни Набокова в себе ищут, другие себя в нем. Каждый документ ценится на вес золота и оттого, может быть, не скоро еще доберется до музейных комнат. Один из

ВСТУПЛЕНИЕ В НАСЛЕДСТВО

22 апреля Владимиру Набокову исполнилось бы 90 лет. В селе Рождествено под Ленинградом никто почти не читал его романов и рассказов, а вот самого Володю помнят...

таскали из усадьбы все, что можно было продать. Теперь вместо сельского музея назначен государственный, совхозу уже неподвластный и неподсильный и требующий уйму денег на ремонт.

Новый директор — Валерий Михайлович Мельников — по этой причине, наверное, сразу почти записал мне в блокнот: «Дзержинское отд. Жилсоцбанка г. Ленинграда. Расч. счет 14000142343 МФО 171047». И попросил, чтобы обязательно приписывали: на восстановление усадьбы Набокова в Рождествене.

Валерий Михайлович сам еще не разобрался в доставшемся ему наследстве. Но сразу же сообщил мне еще одну весть: всего час-два как в музее появился первый научный сотрудник, который займется наконец Набоковым. Правда, это и весь штат музея. Едва ли не у меня на глазах директор вручил Борису Алексеевичу Смирнову один-единственный экспонат. То был альбом, занесенный сюда в год смерти Набокова, двенадцать лет назад, сыном повара Рукавишниковых.

Я только успел перевернуть несколько страниц альбома, целиком посвященного дням помолвки будущих родителей Набокова, как Борис Алексеевич потянул его у меня из рук, точно испугался за сохранность экспоната. Небольно вспомнились (а потом еще не раз) высказанные Машеньке слова про то, что «в парке нельзя гулять посторонним»...

Не задержавшись в музее, я поспешил в гости к бабушке Тоне. Она жила сразу за холмом. И будто не 94-летняя Антонина Дмитриевна Бирцева, самая старенькая из рождественских старушек, встретила меня, а молоденькая девушка — так она вдруг преобразилась, когда заговорили про 1915 год:

— Хорошо, Тонечка, заработать сорок копеек себе на платье? — спросил меня батюшка мой.

— Конечно же, папенька, хочу, — сказала я.

— А тогда завтра пораньше сходи в парк, где поле для игры в теннис. Сначала полей из лейки, потом принитай красный песочек, чтобы и приходу барина все было уже готово.

— Хорошо, папенька, — поразовалась я скорой обновке. Следующий день был воскресеньем. Чуть свет я принялась за работу. Уже потащила было каток с поля, как на аллее появились несколько человек: барин Владимир Дмитриевич (в 1922 году погиб, закрывая своим телом лидера партии кадетов Милукова от

брала у него цветы в теплице и меняла цветы в вазах в комнатах у барина, маленькой барыни Елены Ивановны и у детей. И вот когда отворила уже дверь в комнату Володи, оказалось, что та не пуста, а Володя сидит за столом и пьет кофе. Хорошо, что двери не скрипели, я тут же убралась назад, так что он, кажется, не заметил.

У Володи я не помню никаких картин, как у барина. Был большой стол, на нем зеленая лампа и много-много книг... Под осень Набоковы уезжали в Петроград. Так было и в 1917 году. Но к лету никто не приехал...

Добрые были люди...

Сказала все это баба Тоня, задумавшись. А я припомнил прописанное одним из критиков навязчивое суждение, мол, в набоковской России, в той, которую он в своих романах изображал, нет ни мужиков, ни мецан. Конечно, про аристократический апломб, воспитанный сызмальства, слышал не раз и я. И про то, что он-де космополит, принадлежит всему миру, а у героев его поэмы нет родины. Только думается, что такого Набокова знали Европа и Америка, потому что такого именно желали. Почему-то уверен, что романа «Лолита» желал не Набоков, а читатель его. Непроста он называл себя русским американцем. Чего же искать русского героя в его романах и рассказах? А если и найдется, то, как в «Машеньке», обязательно по-американски закончит свою историю, то есть вроде бы как счастливо и беззаботно. Впрочем, судить да рядить пока рано. Вышла у нас первая книга. А то, что напечатано прежде, — все в журналах. Так что можно сказать, мы тоже посвоему вступаем в литературное наследство.

Недолго был наш разговор с бабушкой Тоней — поступал вдруг в окно ее дома Борис Алексеевич, новый сотрудник музея. Заторопил меня. В машину уже я спросил у него про фотографию (слышал про нее от директора) первого русского учителя Володи, которого Владимир Дмитриевич нанял для сына, когда заметил, что тот по-английски читает и пишет лучше, чем по-русски. Учителем Володи стал Василий Мартынов Жерносеков. А потом он, кажется, был директором рождественской школы, славной чудесным хором. С крестьянскими детьми занималась музыкой вдова композитора Серова, причем столь успешно, что уже после девятого урока дети пели по нотам. Набоков вспоминал этот «школьный хор, прекрасный

изыскателей, например, докопался, молодец, до того, что докажет, кажется, будто Петров-Водкин на картине «Купание красного коня», которую дописывал в соседнем с Рождественом селе, нарисовал вылитого Володю Набокова... Только важнее важнее побыстрее напечатать книги Набокова — тогда он бы сам за себя все и сказал...

С такой мыслью я открыл дверь особняка на бывшей Морской, а нынче улице Герцена. Набоков про этот адрес тоже не забыл:

«У нас на Морской (№ 47) трехэтажный розового гранита особняк с цветистой полосой мозаики над верхними окнами. После революции в него вселилось какое-то датское агентство, а существует ли оно теперь — не знаю. Я там родился — в последней (если считать по направлению к площади, против нумерного течения) комнате, на втором этаже — там, где был тайничок с материнскими драгоценностями: швейцар Устин лично повел к нему оставший народ через все комнаты в ноябре 1917 года...»

В доме, наверное, все иначе, чем было в 1917-м. Года четыре назад сюда приезжала сестра Набокова Елена Владимировна. Кажется, она осталась довольна только тем, что ее не пустили в кабинет заместителя начальника управления предприятий коммунального обслуживания, которое здесь размещено. Видно, «в парке нельзя гулять посторонним»...

На втором этаже этого дома я добрался до комнатки, где родился 90 лет назад Владимир Набоков. На ней висела табличка «Красный уголок». В комнате стояла небольшая трибуна и не было ничего, кроме сколоченных в ряды кресел. В стене, на которую падал с улицы солнечный луч, я заметил дверцу, вроде тех, которыми прикрывают пожарные рукава. Открыл ее. За дверцей был сейф. Слева от замка ясно были видны следы грубого взлома. Под сейфом, на полке лежала коробка с елочными игрушками — значит, тут и сейчас, как когда-то, бывает елка под Новый год.

Внизу уже, на лестнице с хрустальной люстрой и витражами под стать уличной мозаике, я спросил у вахтера:

— Не заходил ли сюда светловолосый молодой человек из музея Набокова? Борис Алексеевич?..

Старушка, чуть подумав, сказала:

— Нет, не были.

Я почему-то огорчился...

М. БЕЛОУСОВ.

[Корр. «Труда»].

ЛЕНИНГРАД.